

Р. Н. Лобов

Уральский государственный педагогический университет

Дипломатические отношения КНР и КНДР на современном этапе

Традиционным партнером Китая на геополитическом пространстве Восточной Азии является Корея, разделенная ныне на два государства. Не в последнюю очередь водораздел между двумя корейскими государствами возник на идеологической основе, это же и повлияло на ориентацию политических элит в КНДР и РК относительно КНР. Если между КНДР и КНР взаимное установление дипломатических отношений произошло еще в 1949 г., то руководители Юга Кореи признавать КНР не спешили вплоть до рубежа 1980–1990-х гг., когда в рамках «северной политики» президента Ро Дэ У, которая подразумевала развитие экономических и политических отношений со странами социалистического содружества, в частности, были установлены отношения с КНР. Объяснение этому — как в определенном антикоммунизме правящих элит Республики Корея того времени, так и в существовании Китайской Республики на Тайване, с которой также, скорее, во имя солидарности сохранялись и поддерживались дипломатические отношения до 1992 г.

В условиях «холодной войны» для Пхеньяна отношения с Советским Союзом и Китаем носили исключительно важный характер. Ким Ир Сен и его окружение после 1956 г., стремясь проводить максимально независимую от Москвы внутри- и внешнеполитическую линию, выстроили собственную систему сдержек и противовесов, используя обострившиеся советско-китайские противоречия, связанные со стремлением Китая максимально освободиться от советского политического и экономического влияния с усилением внешнеполитических амбиций китайского руководства (в частности, речь шла о желании занять лидирующие позиции в международном коммунистическом движении)¹. Вполне естественно, что и в Москве, и в Пекине не желали полной переориентации Пхеньяна на сторону их политических оппонентов, а наоборот, прилагали некоторые экономические и военно-политические усилия к тому, чтобы максимально сохранить лояльность северокорейского руководства. В свою очередь, в КНДР не преминули воспользоваться этими обстоятельствами —

¹ См. об этом: Меликсетов А.В. История Китая. М., 2002.

и с КНР, и с СССР были заключены договоры о дружбе, союзнничестве и взаимопомощи (1961), Пхеньян вплоть до начала 1990-х гг. активно пользовался предоставляемыми кредитами и безвозмездной помощью. И СССР, и Китай воспринимались там как государства, которые, хоть и с оговорками, могут оказать военную помощь в случае гипотетического военного вторжения. Поскольку движущей силой внешней политики КНДР (равно как и РК) являлось стремление к тому, чтобы добиться политического доминирования над конкурентом на международной арене, обеспечить объединение Кореи на своих условиях, то для Пхеньяна было немаловажным и то, что в Пекине косвенно признавали притязания северокорейского руководства на представительство интересов всей корейской нации.

Изменения международно-политической структуры современного мира, произошедшие по окончании «холодной войны», оказали свое влияние на характер отношений между КНР и КНДР. Так, Пекин становится, при всех возможных оговорках, единственным значимым партнером Пхеньяна на мировой арене вообще и в Восточно-Азиатском регионе, в частности. Сохраняет свою юридическую силу договор от 1961 г., хотя данный фактор не стоит абсолютизировать: если КНДР будет вовлечена в военные действия, Китай будет решать вопрос о предоставлении помощи лишь после тщательного анализа ситуации, который должен подтвердить, что КНДР подверглась неспровоцированному нападению². По сути, Пекин выступает своего рода гарантом внешней безопасности КНДР — обострение ситуации на Корейском полуострове вплоть до прямого военного конфликта со всеми вытекающими последствиями Китаю явно не нужно. Китай выступает за решение корейской проблемы, прежде всего за урегулирование северокорейской ядерной программы посредством дипломатических механизмов, не допуская чрезмерного давления на Пхеньян.

Межгосударственные контакты на уровне высших партийно-политических элит КНДР и КНР отличаются интенсивностью. Так, в частности, только за два последних года лидер КНДР Ким Чен Ир посещал Китай четыре раза³, а за время своего руководства страной — всего девять раз⁴.

² См. об этом: Корейское урегулирование и интересы России / под ред. В. И. Денисова и А. З. Жебина. М., 2008.

³ См. об этом: Жэньминь жибао. URL: <http://www.russian.people.com.cn/31520/7623740.html> (дата обращения: 09.09.2011).

⁴ См. об этом: KBS World. URL: http://www.world.kbs.co.kr/russian/news/news_hotissue_detail.htm?No=26459&id=hotissue (mode of access: 09.09.2011).

Это подтверждает тезис о том, что китайское направление внешней политики Пхеньяна является, как минимум, одним из важнейших. Как правило, подробности визитов лидера КНДР в Китай выносятся за скобки, а официальные лица двух стран ограничиваются лишь дежурными комментариями об очередном качественном сдвиге в китайско-северокорейских отношениях. Это объясняется отсутствием какой-либо предрасположенности Ким Чен Ира к публичной дипломатии, а также общей закрытостью северокорейского политического процесса⁵. Тем не менее, общий круг вопросов, традиционно обсуждаемых на подобных визитах, известен: это вопросы экономического сотрудничества (в частности, вопросы экономического субсидирования Китаем Северной Кореи) и межгосударственных отношений, а конкретно — решение проблем, связанных с реализацией ядерных амбиций Пхеньяна.

Важным компонентом межгосударственных отношений КНР и КНДР являются экономические связи между двумя странами. По итогам 2010 г. доля КНР во внешней торговле КНДР выросла до 83 % и составила \$ 4,17 млрд. В перспективе значение экономических отношений с Китаем для КНДР только усилится за счет интенсивного внедрения Северной Кореи в сферу влияния Пекина. Так, в конце мая 2011 г. во время визита главы Северной Кореи в Пекин стороны договорились о необходимости усиления партнерских связей. Особое место на переговорах уделялось развитию экономического взаимодействия между северо-восточными провинциями КНР (Хэйлунцзян, Гирин, Ляонин) и северными провинциями КНДР (Пхёнан-Пукто, Янгандо, Чагандо, Хамген-Пукто, г. Синый-джу и ОЭЗ «Наджин-Сонбон»). После встречи в верхах вопросы активизации двустороннего экономического сотрудничества неоднократно обсуждались на уровне представителей министерств и ведомств, а также на уровне руководителей отдельных предприятий и организаций обоих государств. Подписание новых соглашений позволит китайским компаниям получить право приоритетного доступа к разработке и использованию стратегических природных ресурсов Северной Кореи, строительству в приграничных районах и специальных экономических зонах инфраструктурных и промышленных объектов, а также к расширению поставок товаров народного потребления и развитию туризма.

Санкции, введенные рядом западных стран в отношении КНДР, не позволяют ей реализовывать добываемые полезные ископаемые на внешних рынках. Это привело к тому, что Китай стал рассматриваться

⁵ Панин А., Альтов В. Северная Корей. Эпоха Ким Чен Ира на закате. М., 2004.

Пхеньяном не только как основной потребитель ресурсов, но и как стратегический партнер, участвующий в их разведке и добыче. По итогам 2010 г. экспорт минерального сырья из КНДР в КНР превысил \$ 860 млн, в горнодобывающей промышленности КНДР функционируют 15 основных и смежных предприятий с участием китайского капитала⁶.

Последние 20 лет привнесли в отношения КНР и КНДР ряд новых вызовов и проблем, которые не могут не сказываться на состоянии двусторонних отношений. Ухудшившееся после 1989 г. и без того непростое социально-экономическое положение КНДР вообще, а особенно северных, граничащих с Китаем провинций, привело к такому нелегальному еще 20 лет назад явлению, как нелегальная миграция северо-корейской рабочей силы в приграничные районы Китая, в частности — на территорию Янбянь-Корейского автономного округа. Китайско-корейская граница стала на отдельных ее участках фактически полупрозрачной. Разумеется, в Пхеньяне не могут не придавать этому значения, поскольку все большее вовлечение северо-корейских граждан в миграционные потоки может привести к падению режима, условием сохранения которого и по настоящий момент является их максимальная информационная изоляция. Фактически информация распространяется среди вынужденных мигрантов уже лет десять, но учитывая укоренившуюся у северо-корейцев привычку воспринимать художественные фильмы и телепередачи как произведения, которые наполнены «художественным свистом», не стоит полагать, что власть в Пхеньяне сменится в обозримом будущем. Еще одна проблема — постепенно усиливающийся приток «перебежчиков» из КНДР, который предсказуемо следует через Китай, чаще всего — в третьи страны (Монголию, Таиланд и др.) с пунктом назначения в Республике Корея. Добавляет свою «ложку дегтя» и ряд некоторых политических проблем: в частности, реализация северо-корейской ядерной программы (на что представители Китая подчас реагируют достаточно настороженно, если не сказать больше), склонность Пхеньяна к разного рода «асимметричным» ответам на действия со стороны Республики Корея.

Надо сказать, что за уверениями о стратегическом партнерстве и «вечной дружбе» во многом скрываются прагматические порывы — и в Китае, и в Северной Корее, с одной стороны, желают получить больше выгоды от реализации межгосударственных отношений, но

⁶ См. об этом: *Караиванов А. А.* О расширении китайско-северо-корейского экономического сотрудничества. URL: <http://www.riss.ru/?commentsId=186> (дата обращения: 09.09.2011).

с другой — в отношениях между двумя государствами существует определенный дискомфорт: в Китае прекрасно понимают, с кем имеют дело, но ввиду определенных выгод, как военно-политических, так и экономических, минимизировать отношения с КНДР по примеру России или стран Восточной Европы не торопятся, на Севере Кореи же по известным причинам к Пекину относятся настороженно, хотя и готовы к сотрудничеству, пусть и в определенных рамках.

К. Г. Муратшина

Уральский федеральный университет

Восточно-Китайское море — узел японо-китайских противоречий

Обострение в 2011 г. длительного вялотекущего конфликта между Японией и Китаем за спорные острова Сэнкаку (Дяоюйдао) показало бесперспективность принятого ранее решения о попытках совместного использования спорных территорий.

До 1970-х гг. пять необитаемых островов и три рифа в Восточно-Китайском море, отстоящие на равном удалении — 320 км — от японской Окинавы и китайского порта Фучжоу, не привлекали внимания сторон. После окончания работы в этом районе международных океанографических экспедиций, которые в своих отчетах указали наличие запасов нефти — от 1,5 до 6 млрд т, а также газа, свои претензии на острова, находящиеся под суверенитетом Японии, заявили Китай, Республика Корея и Тайвань. Тайваньский порт Цзилун отделяют от Сэнкаку всего 160 км. Кроме разведанных запасов углеводородов, в островах общей площадью 6,3 км² спорящих привлекает их акватория, богатая рыбными и другими биоресурсами.

Япония настаивает на том, что Сэнкаку — ее территория, так как в 1895 г. она была ничейной, и Япония присоединила ее без всяких протестов к островам Рюкю. Пекин же указывает, что на японских картах 1783 и 1785 г. они обозначены как китайская территория. Китай утверждает, что острова были заняты Японией в ходе японско-китайской